

Понедѣльникъ, 16 (29) Іюля 1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Понедѣльникъ, 16 (29) Іюля 1901 г.

№ 192

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ

№ 192

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕНСТѢ.

РЕДАКЦІЯ: Екатерининскій кан., 31.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

КОНТОРА: Екатерининскій кан., 31.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ
И РЕДАКЦІИ

ГАЗЕТЫ

ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ

943.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1901 году:	На 12 мѣсц.	На 11 мѣсц.	На 10 мѣсц.	На 9 мѣсц.	На 8 мѣсц.	На 7 мѣсц.	На 6 мѣсц.	На 5 мѣсц.	На 4 мѣсц.	На 3 мѣсц.	На 2 мѣсц.	На 1 мѣсц.
Безъ доставки	7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — к.	4 руб. 30 к.	3 руб. 60 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 30 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 40 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . 50 .	7 . — .	6 . 40 .	5 . 50 .	4 . 60 .	3 . 70 .	2 . 90 .	1 . 90 .	1 . — .
Съ пересылкою въ другіе города	10 . — .	9 . 50 .	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . — .	6 . — .	5 . — .	4 . — .	3 . 30 .	2 . 30 .	1 . 30 .
Съ пересылкою за границу	15 . — .	14 . — .	13 . — .	12 . — .	11 . — .	9 . 30 .	8 . 70 .	7 . 30 .	6 . 40 .	5 . 10 .	3 . 80 .	2 . 60 .

ТЕЛЕФОНЪ редактора

ГАЗЕТЫ

ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ

937.

ОТЪ КОНТОРЫ: Для гг. служащихъ допускается разсрочная подписка чрезъ казначеевъ при разносѣрной уплатѣ годовой подписной денежки каждый мѣсяцъ впередъ, разсроченные по соглашенію платятъ—городские при подпискѣ 5 р. 50 к. въ концѣ Іюня 3 р. 50 к. иногородные при подпискѣ 6 р. въ концѣ Іюня 4 руб. Контора открыта съ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара. При неисполненіи перваго условія статьи напечатаны не будутъ, а втораго условія—онѣ считаться бесплатными. Статьи, неудобныя къ печати уничтожаются. Объясненія съ редакторомъ или съ однимъ изъ членовъ редакціи—ежедневно отъ 2 до 4 ч. послѣднее.

альной красавицы къ уроду, который ни на минуту не должен забывать своего физическаго безобразія.

Однѣ неосторожныя шагѣ, одно неловкое движеніе—и привязанность, граничащая съ божаніемъ, превратилась въ ненависть.

Особенно тяжела и отвѣстна роль „куира“ у насъ.

Русская публика, увлекшись какимъ-нибудь писателемъ, пѣвцомъ, художникомъ, актеромъ, асто находится въ затруднительномъ положеніи, не зная, возложить-ли на своего любущаго лавровый вѣнокъ или приказать ему уститься въ присядку и потѣшить ея милость лавной выходкой.

Поскоблите много поклонника—и предъ вами предстанетъ типичный Китъ. Китычъ съ го краткой, но вразумительной формулой чего ноги мои хотятъ“.

Середина у него нѣтъ. Либо поклоненіе естъ мѣры, либо грубое, бессердечное третиованіе, а то и первое и второе вперемежку—какъ у некрасовскаго куца въ стихотвореніи „Убогая и нарядная“, который, любившись въ красавицу,

...То ноги ея цѣловалъ,

То хлесталъ ее плетью казацкой.

Недавно, говоря объ отношеніи русскаго общества къ графу Льву Толстому, я, между прочимъ, коснулся тѣхъ огорченій и хлопотъ, якія причинило семьѣ знаменитаго писателя нашествіе въ Ясную Поляну людей, которые въ сущности не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ автору „Войны и мира“, а только любятъ примазаться ко всякому выдающемуся общественному событію.

Слава Богу, крѣпкая натура славнаго писателя благополучно справилась съ недугомъ, и нашествіе „двадцати языковъ“ на Ясную Поляну окончилось.

Но графъ Левъ Толстой—далеко не единственный „невольникъ чести“, вынужденный кить подъ стекляннымъ колпакомъ и давать отчетъ неприкаяннымъ друзьямъ въ каждомъ своемъ движеніи.

Не мало страдаютъ изъ-за своей популярности и другіе русскіе писатели, напримѣръ, г. Чеховъ и Максимъ Горькій.

Авторъ „Человѣка въ футлярѣ“, вынужденный жить попеременно то здѣсь, то тамъ по предписанію врачей, одну часть дня тратить на работу, а другую—на пріемъ Вобинскихъ, считающихъ своимъ долгомъ лично насвидѣтельствовать ему свое нижайшее почитаніе и встать испортить ему утро.

Въ прошломъ году, въ Ялтѣ, поклонники по тому надѣли г. Чехову, что онъ обратился въ бѣгство, уѣхавъ въ какую-то деревеньку, никому не сказавъ своего адреса.

Максима Горькаго преслѣдуютъ по пятамъ.

Это обстоятельство привело даже къ открытому столкновенію между писателемъ и толпою и едва не стоило кумиру литературной карьеры.

— Что вы глазѣте на меня, господа,—обратился Максимъ Горькій къ своимъ не къ мѣру экзальтированнымъ поклонникамъ.—Я не утопленникъ, не балерина и не Венера Медицейская...

Къ счастью, дѣло обошлось сравнительно благополучно: фавориту попеняли, прочитали ему нѣсколько лекцій на тему „непротіивленія оваціямъ“—и отпустили съ миромъ, и съ тѣхъ поръ Максимъ Горькій странствуетъ больше някогнито, стараясь не показываться въ публичныхъ мѣстахъ и собирая для жительства гостиницы малозвѣстныхъ, алаго настоящая фамилія его извѣстна не многимъ.

Аналогичный случай произошелъ третьяго дня, въ Москвѣ, съ дамскимъ божкомъ г. Шаляпинымъ.

Даровитый пѣвецъ принялъ участіе въ одномъ изъ концертовъ, устроенныхъ Кочетовымъ, и публика дошла до такого восторга, что стала опрокидывать мебель и наступать на сцену, собираясь взять ее штурмомъ.

Басъ-Шаляпинъ герой, но зачѣмъ-же мебель ломать?

И ему ничего другаго не оставалось, какъ обратиться къ поклонникамъ съ маленькой импровизированной рѣчью, хотя прецедентъ съ Максимомъ Горькимъ долженъ былъ ему напомнить, что такого рода объясненія далеко не безопасны.

Артистъ поклялся, что готовъ нѣтъ сколько его поклонникамъ угодно, только мебель ломать нехорошо.

— Разойдитесь, господа,—сказалъ онъ, низко кланяясь,—прекратите свои бурныя изъявленія сочувствія, хотя вы и очень разошлись!..

Сверхъ всякаго ожиданія, рѣчь пѣвца возымѣла надеждащее дѣйствіе. Толпа успокоилась и мирно покинула концертную залу, принявшаю видъ разрушенной неприязнью крѣпости.

Вотъ до чего доходитъ порою увлеченіе публики писателемъ или артистомъ.

Романисты вынуждены прятаться отъ „друзей“, а пѣвцы—умолять слушателей не ломать стульевъ, твердо памятуя классическій афоризмъ городничаго на счетъ Александра Македонскаго.

У нѣкоторыхъ полудикихъ народовъ повелитель не имѣетъ возможности показаться среди своего вѣроподданнаго народа, такъ какъ послѣдній, въ порывѣ благоговѣнія, хватается его за ноги, покрывая ихъ поцѣлуями. Завидя народъ, повелитель тотчасъ обращается въ бѣгство, ибо въ противномъ случаѣ его опрокинутъ.

Еще немного—и нашимъ любимцамъ придется взять примѣръ съ этихъ князьковъ.

Нервный вѣкъ породилъ особый типъ поклонниковъ-невротиковъ, ни въ чемъ не знающихъ чувства мѣры и доходящихъ въ своемъ шумномъ и беспокойномъ поклоненіи до Геркулесовыхъ столбовъ неаѣности.

Пчела.

День за день.

Однажды встрѣтились укротитель звѣрей и знаменитый артистъ, и между ними завязался споръ о томъ, чья профессія труднѣе.

— Я уже болѣе пятнадцати лѣтъ дрессирую львовъ и тигровъ,—сказалъ укротитель,—и нѣсколько разъ находился на волоскѣ отъ смерти. Звѣри меня едва не растерзали. Посмотрите, сколько шрамовъ у меня на тѣлѣ...

— А я почти столько-же времени пою,—отвѣтилъ собесѣдникъ,—и публика благоволяетъ ко мнѣ попрежнему!

Всѣ присутствовавшіе при этомъ диспутѣ согласились, что пѣльму первенства слѣдуетъ отдать второму.

Популярный артистъ и толпа.

Развѣ это не подвигъ—умѣть вынуть къ себѣ любовь и не пасть подъ бременемъ извѣстности, которая сковываетъ избранныка, какъ доспѣхи, сдѣланные изъ чистаго, массивнаго золота.

Любовь публики—несомнѣнно весьма пріятная вещь, но она-же налагаетъ на человека обязанности, которыя подъ силу далеко не всякому.

Это любовь легкомысленной, обворожа-